

ЛАНДШАФТ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ*

In the article role of the landscape as the object of historical, cultural and natural heritage is reviewed. Distinguishing features and typology of cultural landscapes are discussed. The conception of cultural landscape is one active instrument of the heritage conservation, environmental management, national and regional identity.

В конце ноября 2000 г. в Минске под эгидой Белорусского фонда культуры состоялся Республиканский научно-практический семинар под риторическим названием «Что мы делаем, чтобы сохранить культурные ландшафты Беларуси?». Это был первый в нашей республике форум с участием историков, географов, архитекторов, специалистов природоохранного дела, работников учреждений культуры, на котором всесторонне и заинтересованно обсуждались состояние и практические меры по возрождению и сохранению культурных ландшафтов как объектов историко-культурного и природного наследия. Данная проблема традиционно была и продолжает оставаться одной из актуальных в географической науке, поскольку ландшафт является исходным понятием и важнейшим структурным подразделением географического пространства [1]. Одновременно он служит своеобразным хранилищем материальной и духовной культуры людей, овеященной как в виде объектов традиционной деятельности (памятники архитектуры и археологии, усадебные, дворцовые и природные парки, структура земельных угодий, хозяйственно-бытовые объекты), так и в проявлении исторически сложившихся ценностей (традиции быта, уклад и образ жизни, особенности труда, этнические и психологические отличия, самосознание людей). В некоторых ландшафтах историческое и культурное наследие является доминирующим фактором, определяющим не только их внешний облик, но заметно влияющим на протекание в них многих общественно значимых процессов, и нередко основой их функционального предназначения. Пространственное сочетание объектов историко-культурного и природного наследия выступает неоценимым носителем исторической памяти, «указывающей на связь ландшафта с событиями, определившими судьбу государства, народов, ее населяющих, их культуру, а также с жизнью великих людей, внесших особо значимый вклад в развитие страны. В этом случае объектом наследия становится сам культурный ландшафт» [2].

Следует признать, что в зарубежной и отечественной литературе отсутствует однозначное толкование понятия «культурный ландшафт». Несмотря на то что ему посвящены ряд монографий [3–16], проведены в рамках реализации Международной конвенции о мировом наследии (The Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage) девять региональных научных конференций экспертов по этой проблеме [15], издаются специальные научные журналы (например, в Польше «Krajobrazu dziedzictwa narodowego», в Нидерландах «Nostra Europe»), понятие грешит терминологической неточностью, смысловой размытостью и неопределенностью. Дискуссии по этому вопросу остаются в числе наиболее приоритетных на ежегодном (с 1993 г.) международном научном семинаре «Культурный ландшафт» при географическом факультете МГУ [18]. Несмотря на употребление этого термина в некоторых нормативно-распорядительных

* По материалам докладов, сделанных на Совете Белорусского фонда культуры по проблеме сохранения культурных ландшафтов (ноябрь 2000 г., Минск, Беларусь) и Международной конференции «Историческая география, геоэкология и природопользование: новые направления и методы исследования» (апрель 2002 г., Санкт-Петербург, Россия).

природной и шесть критериев культурной ценности для прохождения процедуры номинации культурных ландшафтов [29]. В настоящее время ко всемирному наследию причислено свыше 600 объектов, расположенных в 112 странах мира, из них 480 относятся к культурному наследию, 132 – к природному, остальные – к смешанной группе. В 2000 г. первым объектом, включенным в список мирового культурного наследия от Беларуси, стал Мирский замок – выдающийся памятник архитектуры начала XVI в. на территории нашей страны.

К 2002 г. номинацию в категории «культурный ландшафт» прошли 17 объектов. Среди них – известные во всем мире архитектурные сооружения и окружающие их ландшафтные комплексы в Леднице-Валтице (Чехия), национальный природный парк «Хортобег» (Венгрия), ландшафтно-архитектурный и паломнический парк «Кальвария Жебрждовская» (Польша) и др. Относительно небольшое число объектов, которым присвоен статус «культурный ландшафт», объясняется недостаточно четким и автономным применением критериев ценности природного и культурного наследия. Не способствует пониманию природно-культурного единства, в котором существуют данные объекты, учет показателей только их культурной значимости. Природная же ценность культурного ландшафта играет подчиненную и иногда чисто формальную роль. В этом плане предстоит значительная работа по гармонизации критериев и принятию соответствующих оценочных шкал. Одной из задач такой комплексной критериальной оценки должно быть установление соответствующих репрезентативных особенностей национального культурного ландшафта [30, 31]. Эта недавно выдвинутая идея, требующая дальнейшего осмысления, базируется на необходимости выделения ландшафтов, представляющих геоэкологические и геополитические регионы, служащие природным и культурным символом страны. В нашем понимании культурный ландшафт играет важную роль в осознанном чувстве любви к родине, к родному краю. Об этом образно и точно писал известный российский писатель В. Солоухин: «Понятие родины не может слагаться из умозрительных или философских понятий, статей и научных трактовок. Родина складывается из конкретных и зримых вещей: изб, деревень, рек, песен, сказок, живописных и архитектурных красот... из любви к конкретным вещам складывается любовь к родине, если же эта любовь озарена и оплодотворена любовью к предкам, легендам, к истории, то это и будет культура» [32].

Практический интерес вызывает типология культурных ландшафтов, пояснения по которой подробно изложены в специальной директиве по применению Конвенции всемирного наследия [33]. Ее содержание позволяет определить потенциальную возможность наличия и вероятность включения культурных ландшафтов в список всемирного наследия, в том числе находящихся на территории Беларуси. Упомянутая выше типология содержит три основные категории и одну подчиненную группу культурных ландшафтов. Первая образует так называемые целенаправленно созданные ландшафты (*clearly defined or designed landscapes*). Наиболее распространенными объектами, которые могут составить эту типологическую категорию, являются дворцовые и усадебные парки и сады с расположенными в них архитектурными сооружениями. Они играют не только важную культурологическую и историко-познавательную роль, но вызывают ощущение взаимосвязи и преемственности поколений, хозяйственных и эстетических традиций различных эпох [34, 35]. Несмотря на то что свыше 600 объектов садово-паркового искусства Беларуси, большинство не подлежит восстановлению, сохранившаяся их часть может претендовать на включение в список всемирного наследия. К ним можно отнести дворцово-парковые ансамбли Румянцева-Паскевича в Гомеле, Несвижский, Жиличский и др.

документах, регламентирующих территориально-планировочную и проектную деятельность [19, 20], он вовсе отсутствует в специальном ГОСТе, устанавливающем классификацию ландшафтов по многим их функциям и признакам [21]. Различие на основе выполняемых ими социально-экономических функций (сельскохозяйственной, лесохозяйственной, водохозяйственной, промышленной, поселенческой, рекреационной и заповедной) лишний раз свидетельствует о преобладании в географических исследованиях, в том числе при изучении ландшафтов, утилитарно-прагматического, часто технократического, подхода. Ярким подтверждением этого вывода может служить тематика десяти ландшафтных совещаний (с 1955 по 1997 г.), проведенных в различных регионах бывшего СССР [22]. Подобная абсолютизация материально-вещественных ценностей и протекающих в ландшафте процессов отодвинуло на задний план гуманитарную сущность и духовно-нравственное его начало. Они, по нашему мнению, могут стать той основой, которая должна быть заложена в теории культурного ландшафта как объекта наследия.

Обобщение многочисленных литературных источников, посвященных современному представлению о культурных ландшафтах, а также личные творческие дискуссии на эту тему с известными специалистами в этой области (профессором Ю.А. Ведениным (Россия), докторами Е. Богдановски, А. Михайловски (Польша), профессорами Бучасом (Литва), А. Квадра (Австрия), Л. Миклошом (Словакия), М. Джонсом (Норвегия) и др.) позволили выделить несколько подходов, определяющих их содержание.

Первый из них базируется на равнозначности содержания культурного и оптимизированного ландшафта, который формируется в результате целенаправленной деятельности человека для обеспечения высокой экономической эффективности, экологической устойчивости и высокой эстетической привлекательности территории. Данный подход традиционно превалирует у многих представителей бывшей советской ландшафтоведческой школы [23], а также некоторых стран Центральной и Восточной Европы [24–26].

В основу второго подхода положено понимание культурного ландшафта как определенной природно-хозяйственно-этнической территориальной системы. Отличие и особенности последней во многом определяются проживающими здесь этническими, конфессиональными общностями и социальными группами людей, которые являются носителями местных культурных и духовных ценностей и традиций [27]. Содержание культурного ландшафта при этом связывается с традиционной деятельностью коренных обитателей того или иного региона и их отношением к природной среде, сложившемуся укладу жизни.

Наконец, третий подход рассматривает культурный ландшафт как единое многокомпонентное пространственное образование, включающее объекты материальной и духовной культуры, местное население и хозяйство, системы поселений, обрядовые и культовые сооружения и т. д. Важнейшими составными частями такого ландшафта выступают объекты культурного, исторического и природного наследия. Впервые официальное признание культурный ландшафт в качестве объекта наследия получил в ст. 1 Конвенции о всемирном наследии, предложенной ЮНЕСКО в 1972 г. [28]. Согласно этому документу он состоит из «зон, представляющих собой результат совместной деятельности человека и природы». Несмотря на некоторую неопределенность и размытость данного термина, имелось в виду, что культурный ландшафт должен включать в себя уникальные сочетания природных и культурных компонентов, имеющих выдающееся значение. Позже, в октябре 1992 г., во Франции совместно с экспертами Международного Совета по архитектурным памятникам и памятным местам (ICOMOS) и Международного Союза охраны природы (IUCN) были предложены три критерия

Вторая категория объединяет природные ландшафты, заметно измененные целенаправленной деятельностью людей (*organically evolved landscape*), но находящиеся в гармонии с окружающей средой. В Беларуси они чаще всего представлены многовековыми аграрными ландшафтами, адаптированными к локальным и региональным почвенно-геоморфологическим условиям. Например, к этим ландшафтам приурочены мелкоконтурные мозаичные угодья холмисто-моренных территорий, сенокосы и пастбища среди обширных пойменных полесских ландшафтов, фрагменты сохранившихся хуторских хозяйств и окружающие их угодья, сельскохозяйственные поля, инкрустированные в лесные массивы. Характерное для них патриархальное земледелие с экофильными экстенсивными культурами – исторический памятник сельскохозяйственной деятельности в культурном ландшафте [13, 36]. Особую группу составляют так называемые реликтовые или ископаемые ландшафты (*relict or fossil landscapes*). Они являются хранителем свидетельств древней истории, местом концентрации различных археологических объектов (городищ, древних стоянок человека, языческих сооружений, могильников и т. д.). К потенциальным ландшафтам этой группы в Беларуси относятся отдельные надпойменные участки Туровщины с многочисленными селищами, высокие террасы Днепра, камовый и озовый рельефы Браславщины и др.

Третью категорию образуют культурные ландшафты, включающие памятные места, на территории которых происходили события, связанные с деятельностью и творчеством великих людей и нашедшие отражение в литературе, искусстве и науке. В отдельных случаях они выполняют сакральную (духовную) функцию, связанную с паломничеством, с целью религиозного поклонения или эстетического удовлетворения [37].

Для полноценной типологии культурных ландшафтов важным условием является не только установление их культурологического отличия, но правильная оценка природных особенностей. В первую очередь это касается генетико-морфологических характеристик рельефа, отличительных особенностей флоры, фауны, почвенного покрова, гидрологических условий. Данная процедура обязательно должна завершаться оценкой экологической значимости и эстетической привлекательности ландшафта.

Велика перспектива реализации концепции ландшафта как объекта историко-культурного и природного наследия на особо охраняемых природных территориях, в частности в заповедниках и национальных парках. Об этом было заявлено на Международном конгрессе по биосферным заповедникам (Испания, 1996). В принятой стратегии подчеркивалось, что заповедники не только служат целям сохранения биологического и ландшафтного разнообразия, но создают условия для поддержания традиционного образа жизни коренных жителей и экологического природопользования. Именно здесь еще можно сохранить этнокультурные зоны и исторически сложившиеся отношения к природе и использованию ее ресурсов [38]. К числу международных инициатив, направленных на сохранение культурных ландшафтов, следует отнести создание на Европейском континенте общеевропейской экологической сети (ECONET) [39], главными элементами которой («ядрами») будут служить особо охраняемые природные территории, а роль «коридоров» и «русел миграции» отводится культурным ландшафтам. В конечном счете это позволит решить триединую задачу: сохранить биологическое и ландшафтное разнообразие, способствовать устойчивому развитию регионов и сформировать природно-культурный каркас как внутри отдельных стран, так и Европы в целом. Для государств постсоветского пространства, включая Беларусь, это будет являться действенным мероприятием возрождения и сохранения богатого исторического, культурного и природного наследия.

1. Исаченко А.Г. // География и современность. Л., 1988. С. 17.
2. Веденин Ю.А., Кулешева М.Е. // Изв. Рос. акад. наук. Сер. геогр. 2001. № 1. С. 7.
3. Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты. М., 1973.
4. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. М., 1997.
5. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998.
6. Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований. Смоленск, 1998.
7. Курбатов Ю.И. Архитектурные формы и природный ландшафт: композиционные связи. Л., 1988.
8. Калущков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера. М., 1988.
9. Родоман Б.Б. Территориальные сети и узлы. Смоленск, 1999.
10. Cultural Landscapes of Universal Value-Components of Global Strategy. Jena; Stuttgart; New York, 1995.
11. Frislid R. Man in Nature. Cultural landscapes of Norway. Oslo, 1990.
12. Cultural landscape. Past, Present and Future. Cambridge, 1988.
13. Bučas J. Lietuvos kaimo krastovaizdzio raida ir istorines vertybes. Vilnius, 1988.
14. Vanicek V. Ochrana a tvorba krajiny. Brno, 1973.
15. Krajobrazy. 28 (40). Studia i materialy. Osrodek ochrony zabytkowego krajobrazu. Narodowa instytucja kultury. Warszawa, 2000.
16. Preece R. A. Designs on the landscape. London, 1991.
17. Haber W. Landschaft. Handwörterbuch der Raumordnung. Hannover, 1994.
18. Калущков В.Н., Красовская Т.М. // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 2000. № 4. С. 3.
19. Рекомендации по использованию геоэкологических основ в территориальном проектировании и планировании. М., 1986.
20. Оценка качества окружающей среды и экологическое картографирование. М., 1995.
21. ГОСТ 17.8. 1.02.-88. Охрана природы. Ландшафты. Классификация. М., 1988.
22. Александрова Т.Д. // Изв. Рос. акад. наук. Сер. геогр. 2001. № 1. С. 100.
23. Исаченко А.Г. Оптимизация природной среды. М., 1980.
24. Eilart J. Man, ecosystems and culture. Tallinn, 1976.
25. Miklos I. Ekologicke planovanie krajiny. Banska Stavnica, 1990.
26. Richter H. Geographische aspekte der sozialistischen landeskultur. Gotha; Leipzig, 1987.
27. Papers from Department of Geography University of Trondheim. № 27. Vol. 2. The role of landscape in constitution of national and regional identity. Trondheim, 1999.
28. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. UNESCO. Paris, 1972.
29. Rossler M. // The Regional expert Meeting on Cultural landscapes in Eastern Europe. Warszawa, 2000. P. 142.
30. Марцинкевич Г.И. География, общество, окружающая среда: развитие географии в странах Центральной и Восточной Европы: Тез. докл. междунар. науч. конф. Калининград, 2001. С. 55.
31. Амбруаз Р. Naturopa. 1998. № 86. С. 29.
32. Солоухин В. Время собирать камни. М., 1990.
33. Operational Guidelines for the Implementation of World UNESCO. WHC 99/2. Paris, 1999.
34. Федорук А.Т. Садово-парковое искусство Беларуси. Мн., 1989.
35. Федорук А.Т. Старинные усадьбы Минской области. Мн., 2000.
36. Яцухно В.М., Мандер Ю.Э. Формирование агроландшафтов и охрана природной среды. Мн., 1995.
37. Meharg I. L. Design with nature. New York, 1971.
38. Biosphere reserves: The Seville Strategy and the Statutory framework of the World Network. UNESCO. Paris, 1996.
39. Руководящие принципы развития панъевропейской экологической сети (project STRA-REPS) / Совет Европы. Страсбург, 1999.

Поступила в редакцию 27.09.2001.

Валентин Минович Яцухно – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заведующий НИЛ экологии ландшафтов.